

Шурик проснулся оттого, что его курносый в крапинку нос защекотал один волнующий запах. Пахло бабушкиными блинами, и утренний сладкий сон как рукой сняло. Некоторое время Шурик ещё лежал, прислушиваясь к звукам дома и разглядывая узоры на красивом, во всю стену, ковре. При утреннем свете смешные человечки, пятилапые звери и злобные чингисханы казались обычными замысловатыми цветочками и веточками – ничего интересного. Шум за пределами его комнаты был тоже вполне обыкновенный. Блинное тесто шипело на раскалённой сковородке, перекатываясь по её поверхности; бабушка скрипела половицами, перемещаясь от стола к плите и обратно; за окном гоношилась стайка воробьёв и слышались ритмичные удары – это дед колот дрова на растопку субботней бани.

Пятки Шурика коснулись прохладных половиц, и начался новый день его бессрочной ссылки. Конечно, в гостях у бабушки и дедушки было замечательно, спору нет. Вот и блинчики ещё к тому же... Шурик, будто на автопилоте, минуя умывальник, направился напрямик на кухню, к столу, увенчанному горой дымящихся блинов, и сам не заметил, как принялся уплетать их за обе щеки. Да, у мамы такие вкусные никогда не получались. Быть может, потому, что и пекла она их нечасто? В таком деле без сноровки никуда.

Бабушка, занятая у плиты, заметила Шурика только на третьем блине. В сей же миг он был изгнан из блинного рая мыть руки, чистить зубы и, в конце концов, звать к столу дедушку. «Нет, всё-таки ссылка», – думал Шурик, на ходу облизывая масляные пальцы, перед тем как взяться за мыло. Пусть его и откармливают тут, как домовёнка Кузьку, но в остальном ведь совершенно нечем заняться.

Шурик ещё в первый день своего пребывания здесь с горечью установил, что мобильная сеть ловит из рук вон плохо и

нестабильно, а про интернет и wi-fi никто слыхом не слыхивал. На второй день он потерял свой планшет со всеми играми и даже поплакал немного, потому что теперь между ним и суровой реальностью была абсолютная пустота. Но бабушка пообещала, что планшет найдётся ещё до приезда родителей. Другими словами: «Я тебе его отдам, когда посчитаю нужным». И Шурик понял, что ссылка будет в тысячу раз скучней, чем ожидалось. Неизвестно ещё, когда она кончится и кончится ли вообще.

Поначалу, первые несколько часов после того, как машина отца скрылась за поворотом, Шурик надеялся, что тот передумает и вернётся за ним. Но шли часы, а отец не возвращался. К вечеру Шурик окончательно принял как факт, что его бросили. О причине он знал, ему много раз объясняли, но из всех родительских объяснений мальчик понял для себя только то, что теперь у его родителей новый ребёнок, а он, видимо, больше не нужен, и поэтому его отослали к бабушке с дедушкой. Возможно, навсегда. Так что плакал Шурик не только из-за планшета, но бабушке ведь не обо всём надо знать, верно?

Теперь современный и насквозь городской десятилетний мальчишка был вынужден придумать себе развлечение в деревенской глуши. Глушь – это, чтобы вы понимали, одна улица и два ряда обветшалых домов вдоль неё. Первое, чем занялся Шурик, когда лишился планшета, – отправился на разведку и составил подробную карту деревни на альбомном листе. Времени на это ушло не так уж и много. Он нарисовал все дома и сараи, а ещё дорогу, лес вокруг деревни, поляну, где пасутся коровы, заброшенную лесопилку и озеро, у которого стоит их дом.

Дом дедушки Володи и бабушки Сони расположен на отшибе, над оврагом, заполненным водой, – это и есть озерко. Чтобы выйти к нему из деревни, нужно свернуть с главной и единственной улицы в сторону лесопилки, спуститься в низину, где среди травы прячется самодельная дедушкина тропа из досок и кирпича. Она-то и ведёт напрямиком к дому у озера. Эту тропу Шурик также старательно изобразил дедушкиными же цветными карандашами.

Старик был неплохой художник, и даже очень. Особенно ему удавались лоси. «А всё потому, что я их много на своём веку встречал», – пояснял он внуку. Шурик решил, что и сам непременно встретит одного, поэтому, составляя карту и даже бегая в магазин за солью для бабушки, он всё выискивал среди деревьев и кустарника вдоль дороги красивые широкие рога... Во время своих ознакомительных вылазок он навестил бабушкину корову Малину, подружился с пастухом дядей Игорем, рассказал о городской жизни двум старушкам на лавочке и даже с позором бежал от грозной мамы-гусыни с выводком гусят. Но ни одного лося так и не встретил.

В деревне был всего один ларёк – даже не магазин, а самый настоящий ларёк, маленькая такая будка с продавщицей тётей Катей, дамой необъятной и смешливой. Пока тётя Катя потрошила какую-то коробку в поисках соли, Шурик всё гадал, как она умудряется помещаться в этой будке целиком, да ещё и вместе с товаром. А товар был самый разнообразный: от консервов до стирального порошка, от нижнего белья до водки. Шурик знал, что такое водка, но никогда не думал, что в одном маленьком киосчке с тётей Катей внутри может поместиться так много бутылок. Удивительно было и то, что при всём многообразии товара в ларьке не продавали ничего сладкого. И Шурик из чистого любопытства решил узнать, почему так.

– Не завозили, – обронила тётя Катя.

– Почему не завозили? – Шурик попытался с головой заглянуть в небольшое окошко, потому что не верил он тётке Кате, ведь такого просто не может быть.

– Говорю, нет ничего! И откуда только взялся... Ты чьих будешь? Из города, что ль?

– Я к бабушке с дедушкой в гости приехал, наш дом у озера. Так почему не завозили? – снова спросил Шурик. Обыкновенно, если уж ему нужно было что-то узнать, он не отступался, пока не получал ответ.

– Да кто ж их покупать будет, сладости твои химикатные? – тётя Катя хохотнула, сверкнув золотым зубом. – У нас тут своя

сладость есть, озёрная, вся деревня угощается. Неужто не едал ещё? А говоришь, на озере живёшь!

Какую такую озёрную сладость имела в виду тётя Катя, для Шурика осталось загадкой. И он твёрдо решил выяснить, чтобы никто больше не сверкал на него золотым зубом и не смеялся над ним.

Дедушку Шурик нашёл, как и ожидалось, около бани – тот уже складывал свеженаколотые чурбачки в дровник. Июльское солнце начинало припекать, и дед работал в одних лёгких шортах. Шурик подумал, что дедушка у него какой-то неправильный: только лицом и старенький, а топором машет – вон сколько намахал за утро! На месяц вперёд, наверное. Руки сильные, а ведь он ими ещё и рисует.

– Ну, помогай, коли пришёл. Доброе утро, – сказал дед. Вместе они быстро управились. Правда, Шурик только подавал, но в то же время внимательно следил за тем, как ладно и плотно дед складывает полешки одно к другому.

– А я это... Бабушка зовёт завтракать, – сказал Шурик, когда с работой было покончено. И добавил: – Дед, а ты мне когда лося покажешь?

– Завтракать – это хорошо. Сейчас только руки вымоем!

Шурик попытался незаметно обтереть ладони о штанину, пока они шли к уличному раковиннику.

– Снова мыть... Я ж их вот только... А лося когда покажешь?

– Полей-ка на меня из ковшика, охолонуться надо. А то вспотел – ф-ф-фу! Нехорошо за стол так садиться.

– Ладно, но лося-то когда? – Если уж Шурик о чём-то спрашивал, то не отставал, пока не получал ответ. Дед только усмехнулся в бороду. Мальчик взялся за ковшик, пообещав себе, что так просто не отступится.

Но долгожданный завтрак совсем разморил его, и когда с блинами было покончено, Шурик уже и думать забыл о лосях. Именно тогда дедушка надел чистую красную рубаху, взял связку карандашей, перетянутую резинкой, папку с чистыми листами, деревянную дощечку и сказал внуку:

– Ну что, айда, что ли. На рогача смотреть.

– Исти с собой возьмите-то! Завечереет – и не заметите, – захлопотала бабушка. – В корзинку вам блинков положу, остаточков, и гостинец для провожатого моего. А опростаете – набери мне конфет, Володь, слышь?

– Слышу, мать, наберу.

– Конфет? Тётя Катя не продаёт никаких конфет, я спрашивал. И что за провожатый, бабуль?

Но никто ему так ничего и не объяснил. Только дед посмотрел сурово, мол, поторапливайся, а не болтай. Дождался корзинки – и был таков.

– Ба-а-а, каких конфет, какой провожатый? – не унимался Шурик, уже завязывая шнурки на кроссовках.

– Догоняй деда, он ждать не будет. Уйдёт – не отыщешь его потом, – только и ответила бабушка и скрылась на кухне.

Это было невыносимо! Старики как сговорились, не отвечали на его вопросы. Придётся всё выяснять самому.

Шурик что есть мочи припустил за дедушкой, но у того был такой широкий шаг, что его красная рубашка уже мелькала в леске за озером. А пока мальчик оббегал озеро, она и вовсе скрылась из виду. «Да что ж ты за человек такой?» – думал про себя Шурик, продираясь через молодую поросль в лесную чащу. – «И почему меня всегда все бросают?»

Лес был лиственный и негустой, солнце пронизывало его насквозь, но такая приметная красная рубашка словно испарилась вместе с дедом. Шурик здраво рассудил, что панике поддаваться рано и что он всегда сможет повернуть назад к дому, главное – идти всё время по прямой.

Но чем глубже он заходил в лес, тем сложнее ему было придерживаться плана, ведь это был самый красивый и удивительный лес из всех! Не то чтобы Шурик видывал на своём веку много лесов. Строго говоря, вообще не видывал, если не считать центрального парка и пары выездов на майские шашлыки за тридцать километров от города. Немудрено, что совсем скоро мальчик и думать забыл о дедушке: он во все глаза глядел по сторонам,

слушал птичью разноголосицу, пытался прикоснуться к каждому дереву, мимо которого проходил, а на некоторые, более-менее удобные, даже забирался, хоть и не высоко. Иногда ему казалось, что под плотным ковром из прошлогодней палой листвы кто-то шевелится, куда-то спешит. Порой он мельком видел то рыжий хвост в кроне вяза, то трепыхание чьих-то крыльев, а однажды дорогу ему перебежал настоящий ёж! Не говоря уже об огромных муравейниках, которые Шурик старался обходить стороной, и коварных пауках, которые развешивали свои сети прямо на его пути, и Шурик непременно влетал в эту липкую гадость лицом.

Сколько он шёл так по лесу, сказать трудно. Шурику казалось, что прошло не так уж много, но всё-таки он порядком устал. Он присел отдохнуть на поваленное дерево, закрыл глаза и прислушался. Вокруг царил живая тишина и даже разливался какой-то знакомый сладкий аромат... Хотелось сидеть так долго-долго и не думать ни о чём. Так он и сделал. Но когда восторг немного улёгся, Шурику тут же вспомнился дедушка. Мальчик вскочил как ужаленный и заозирался кругом, пытаясь сообразить, в какой же стороне дом. Вдруг среди деревьев он заметил нечто красное. Наконец-то догнал!

Шурик радостно побежал навстречу деду... но увы! Не преодолев и половины пути, он понял, что ошибся. Это был вовсе не дедушка, а огромный куст, весь усеянный продолговатыми ягодами-колбочками, красными, точь-в-точь как дедова рубаха. Именно он и пах так сладко и знакомо, прямо как леденцы.

– Да это же барбарис! – вскричал Шурик.

В ту же секунду ветви барбариса дёрнулись, и в чашу от него ломанулось нечто большое, на длинных тонких ногах, горбоносое, с огромными, как дом, рогами.

– Да это ж лось... – прошептал Шурик и попятился. – Какой огромный...

– Что ж ты такой шалый, малец? – раздалось издалека.

Шурик обернулся на голос дедушки, но не сразу разглядел его, сидящего у другого такого же куста барбариса в своей красной рубашке. На его коленях лежал лист бумаги с набросками.

– Ладно, раз убежал сохатый, давай, что ли, конфект наберём. Наказ нам был. Но сперва поедим.

Перекусив блинами из корзинки, они вместе стали набирать в неё барбарис. Шурик старался срывать ягоды аккуратно, чтобы не раздавить их пальцами.

– Дед, что ж ты ушёл вперёд, бросил меня? А вдруг бы я потерялся?

– Но ты же не потерялся, – заметил дедушка. – Да и слышал я тебя преотлично – страсть как шумишь, только городские так по лесу ходят.

Шурик немного обиделся за городских и затих, сосредоточился на ягодах.

– Нравится тебе у нас-то, Шурик? А то оставайся! Будешь мне помощником, я тебя и дрова колоть научу, и по лесу ходить, крышу с тобой перестелем... Ты чего ревёшь?

– Не реву! – Шурик размазал по лицу непрошеные, ниоткуда набежавшие слёзы. – Итак, меня вам подкинули, останусь с вами жить, а кто меня спросил? Не нужен я им больше, Аришка у них теперь есть...

Дальше он не мог говорить из-за всхлипов.

Некоторое время оба молчали. Наконец дед произнёс задумчиво:

– Сегодня ты вон сколько бродил один по незнакомому лесу! – и не заплакал, не испугался. Хоть ты малой совсем и природу, поди, только на картинках раньше видел в этом... как его... плешете своём...

– Планшете, – машинально поправил его Шурик, борясь со всхлипами.

– Во-во, я и говорю, в плешете этом. Ты самостоятельный парень, жених почти, а всё мамку делишь! Я в твоём возрасте, между прочим, уже жениться думал.

Шурик отчего-то покраснел, аж уши запыхали. Ему показалось, что они стали такими же, как дедова рубаха.

– Не веришь мне? А я тебе скажу так: вот из-за конфект этих и собрался!

– Да на ком, дед?

– Да на бабушке твоей, на ком ещё! Ей тогда, почитай, годков пять ли, семь ли было. А мне десять, ровно как тебе. Только я мельче, хлипче был – да и жили тогда не сахарно, война только что кончилась. И тут гляжу – девчоночка новая на селе появилась. Местных-то я всех знал. Ты не гляди, это нынче одни старики со старухами тут свой век доживают, так в пятидесятых им-то и было, как мне. Кто постарше, кто помладше. Потом одни уехали, а иные остались: Степановна, Еремеевна тож, Федотыч – я с ними малым ещё играл! Да, Шурик, и мы когда-то детьми были. И я, и бабушка твоя, Сонюшка... И вот она, пигалица такая, с матерью своей, Людмилой Андреевной, царствие ей небесное, приехала к здешним родственникам гостить. Тогда в деревнях хоть и было не хлебосольно, а всё ж посытнее, чем в ином городе. И можешь себе вообразить: ей строго-настрого запретили со мной водиться! Хулиган! Так и сказали, не шучу. Хулиган он, говорят, не касайся его, не подходи. И на озеро не ходи до него. А я ведь тогда был бирюк бирюком, со стороны, может, злым казался, не знаю... Сирота почти. Отец на фронте погиб, мать болезнь унесла, меня бабка приютила, да сама обезножела скоро, и я с восьми годков уже сам хозяйство вёл. Ладно. Нашла она тут подруг себе, повели её девки эти по грибы-ягоды в лес. Клялись-божились Людмиле Андреевне, земля ей пухом, святая женщина была... клялись-божились, значится, что в обиду Соньку не дадут, от любой напасти уберегут. Ну, добро. Пошли. Забрели в чащу далеко, полные корзины набрали, дело к вечеру – надо бы и домой вертаться. Пошли до дому, и тут – откуда что взялось, вот только солнышко светило – набежали тучи, ударила молния, гром загрохотал! Девки, знамо дело, перепугались страшно, все корзинки свои побросали и ну бежать! Соньку потеряли в каком-то овраге, хватились её уже в деревне. А она, бедная, ревмя ревет, грома страшится, дождь её поливает.

– И ты спас её, дед? Нашёл в лесу? – Шурик уже и думать забыл о своих бедах. Он представил себя на месте своей маленькой бабушки и со стыдом признал: испугался бы не меньше её, пятилетки.

Дед будто угадал его мысли:

– Повезло тебе, малец, что ведро нынче, а то в иной раз дожди такие, что руку вытяни – не видать её, да лупит шибко. В такой ливень кого ты отыщешь? Нет, бабушка твоя сама как-то выбралась. Только не к самой деревне, а в аккурат к дому нашему на озере выбрела. А спроси её – она тебе скажет, что лось её вывел. Мол, нашёл её в овраге, рогами вытянул да к людям проводил, а шла она у него под брюхом, от дождя так хоронилась. Правда так было или нет, одной ей и известно. Только сколь тут живём с ней, всё через меня гостинцы своему провожатому передаёт. Вот и вся тайна.

– Но при чём тут барбарис?

– А, барбарис! Да... – Дед рассмеялся. – Это очень потешно было. У нас тогда куст барбариса, небольшенький такой, прямо у дома рос. Вот вышла она из лесу – мокрая вся, хоть выжимай. И к кусту этому. А после дождя он знаешь как пахнет? Ох и сладко пахнет, да далеко слышать запах! Я из окошка увидел её и из дому навстречу кинулся, бабкин пуховый платок схватил из сеней. Верчу её в этот платок, она как раз целиком в него помещается. А Сонька знай просит: «Хулиган, нарви конфект мне! Нарви, я тогда маме не скажу, что ты ко мне подходил».

Дед отсмеялся, утёр выступившую слезу ладонью. Помолчал немного, перебирая ягоды барбариса в корзинке. Шурик тоже уставился на ягоды – «конфекты». Интересно, сладкие ли? Он взял одну в рот – кислятина! Аж сморщился от неожиданности, чем насмешил деда ещё больше.

– Во-во, один в один такую же мину скусила! В общем, передал её с рук на руки Людмиле Андреевне – та зарёванная была пуще Соньки самой. С тех пор мне в их доме всегда рады были, а тех девок нерадивых на порог не пускали. К озеру, правда, так и не разрешали ходить – да оно и верно, глыбко в том озере, утопнуть можно за здорово живёшь, Соньке бы и секунды недогляду хватило. А как осень настала, так они и в город засобирались обратно. Вот тогда я, дружок, шибко плакал – горько было, прикипел, сдружился с нею. Все со мной как со взрослым уже

обращались тогда. А с ней я себя хоть ребёнком чувял, играл: догоняшки всякие, салки те же... в куклы тоже с ней играл, а как иначе? Что скажет, в то и играем. Наделаю ей кукол из шишек и соломы, а то по опушке вожу её, про птиц рассказываю, про мурашей... Ладно. Собирались они затемно, с рассветом вышли на дорогу: до электрички идти отсель километров восемь, надо успеть на утрешнюю. Идут они уже в сторону станции – и тут я бегу, догоняю, значит. В руках тряпки какие-то старые, а в тряпках этих – куст барбариса. Тоже засветло встал и выкопал часть куста для Сонюшки. Подумал: пусть у неё растёт где-нибудь дома ли, под окном ли, обо мне напоминает. Чем я тогда думал, кто его знает. Только Соня в куст этот обеими ручонками вцепилась, так крепко-крепко, говорит: «Выращу дома сладкие конфекты и привезу тебе!» Людмила Андреевна, конечно, недовольная была этим букетом: тащить тяжело, неудобно. Но у Соньки уже не отберёшь. Так и увезла куст в город.

– Привезла на следующий год тебе конфет? – спросил Шурик.

– Нет, не привезла. И через пять лет не привезла. И через десять. Приехала уже совсем взрослой девушкой, еле узнал. Я тогда с мужиками дома отстраивал заново. В то лето было жарко да сухо, горели леса, пожары прошли страшные, много домов погорело, и в нашем селе тоже. Моему досталось меньше других – вода же близко. Но всё же пришлось и себе подлатать, и соседям помочь. Барбарис было жалко, сгорел совсем. А она как прознала о нём: приехала родне помогать, погорельцам тоже, и привезла из города семечки от того самого барбариса, который много лет назад я ей выкопал. Вот они до сих пор растут да множатся, да я приглядываю. Где сухостой выкопаю, где свежий кусточек создам.

– А почему здесь, в лесу, посадил, а не у дома?

– Бабушка твоя захотела так. Я и в детстве ей отказать не мог, – дед усмехнулся в бороду. – Да и поди ж ты, здесь тропа лосиная проходит. А там, чуть подалее, тот самый овраг, куда Сонька провалилась. Памятное ей место, понимаешь? Обычно сама здесь ягоды собирает да спасителей своих угощает то

морковкой, то яблочком. А я этих прикормышей ручных рисовать хожу. Позируют даже! Могут минут десять стоять, не шелохнутся. Артисты!

Шурик снова немного погрустнел, вспомнив, как нечаянно спугнул большого лесного красавца, так что увидел только смутное пятно, длинноногое и рогатое. И снова дед будто угадал его мысли.

– Не печалься, малец, навидеешься ещё наших сохатых. В другой раз тебя возьму и покажу, как с лесом общаться. А ты потом Аришу научишь, когда уж приедете все вместе. Уговор?

И Шурик кивнул, почему-то совершенно успокоенный. Он сидел рядом с самым сильным и мудрым человеком на всём белом свете. И если этот человек ждал свою семью столько лет, то и Шурик сможет подождать каких-то пару месяцев. В глубине души он знал, что родители вернуться за ним. Уж к началу нового учебного года его точно привезут в город. А когда Аришка подрастёт, они все вместе приедут к бабушке и дедушке в гости и пойдут смотреть на лосей и барбарис, и никакие дожди и овраги им не будут страшны.

Когда Шурик вместе с дедом вернулся в дом у озера, уже вечерело. Шурик торжественно вручил бабушке корзинку с ягодами барбариса и объявил, что её храбрые добытчики голодны как волки. На что бабушка Соня ответила, что это очень кстати, ведь дома их ждёт свежий хлеб, парное молоко, наваристый борщ и целая сковорода жареной в сале картошки.

– А на сладкое будут конфекты, – сказала бабушка и подхватила из рук Шурика корзинку с ягодами.

– Но, бабуля, барбарис же кислый! Какое же это сладкое?

И вновь ему никто не ответил, только дед хохотнул и погнал Шурика учиться затапливать баню. Спустя два часа, распаренный и красный от дедушкиного веника и банного жара, Шурик смёл свой нехитрый ужин, и дед сказал ему:

– Давай, Сашура, похозяйничай, пока бабушка в баньке парится. Наливай нам чаю да ставь сладкое на стол... В сенях посмотри, под крышкой, ну!

И когда Шурик поднял крышку с широкого и низкобортного медного таза, он увидел рубиново-красное, головокружительно пахнущее варенье, которое остывало здесь, в прохладе сеней. И конечно же, Шурик зачерпнул его прямо пальцем и сунул палец в рот, и это варенье было лучше всяких конфет и каких-либо ещё сладостей. Оно было в меру сладкое, немного с кислинкой, ещё тёплое и густое. А самое главное, оно было сварено его бабушкой, чудесной женщиной, которая давным-давно натерпелась страху в этих краях, но потом, спустя много лет, вернулась на бесприютное пепелище и привезла с собой свою любовь. И любовь эта была такой живучей и мощной, что до сих пор она первая сладость в деревне, и ничего другого никто у тёти Кати не покупает – ни шоколадок, ни конфет.

Щедро наливая тягучую рубиновую красоту в пиалу, Шурик с замиранием сердца думал о том, как повезёт домой банку конфетного варенья, эту озёрную сладость в подарок Аришке – его маленькой сестрёнке, с которой он ещё не был знаком, но совсем скоро обязательно познакомится.

Март, 2017 г.